

Marčenko, Oleg

Григорий Сковорода и Жозеф де Местр : (об одном забытом сюжете)

Slavica litteraria. 2008, vol. 11, iss. 1, pp. [11]-25

ISSN 1212-1509 (print); ISSN 2336-4491 (online)

Stable URL (handle): <https://hdl.handle.net/11222.digilib/103376>

Access Date: 30. 11. 2024

Version: 20220831

Terms of use: Digital Library of the Faculty of Arts, Masaryk University provides access to digitized documents strictly for personal use, unless otherwise specified.

ОЛЕГ МАРЧЕНКО (МОСКВА)

ГРИГОРИЙ СКОВОРОДА И ЖОЗЕФ ДЕ МЕСТР (об одном забытом сюжете)

Abstrakt

Studie *Grigorij Skovoroda a Joseph de Maistre* je součástí velkého badatelského projektu *Grigorij Skovoroda a ruské filozofické myšlení 19. a 20. století*. V práci se zkoumá latentní přítomnost učení ukrajinského myslitele 18. století v *Sanktpetěrburgských večerech (Les Soirées de Saint-Petersbourg)* J. de Maistra a v proslovech *Senátora*, jehož prototypem byl Skovorodův žák a „srdcový přítel“ de Maistra V. S. Tomara. De Maistrovy ideje, které jsou zastoupeny v Sanktpetěrburgských večerech, se různorodě a podivuhodně reflektovaly v pozdějším ruském myšlení u P. J. Čaadajeva, A. S. Sturdzy, F. M. Dostojevského, I. S. Aksakova, M. N. Katkova, V. S. Solovjova, L. P. Karsavina aj.

Abstract

Grigorij Skovoroda and Joseph de Maistre

The study *Grigorij Skovoroda and Joseph de Maistre* is part of a bigger research project *Grigorij Skovoroda and Russian 19th-20th-Century Philosophical Thought*. In the present article the author analyzes the latent presence of the teaching of the 18th-century Ukrainian thinker in *Sankt-Petersburg Evenings (Les Soirées de Saint-Petersbourg)* by J. de Maistre and in the speeches of the *Senator* whose prototype was Skovoroda's disciple and de Maistre's close friend V. S. Tomara. De Maistre's ideas which are also presented in *Sankt-Petersburg Evenings* were variously and strangely reflected in later Russian thought in the works of P. J. Chaadaev, A. S. Sturza, F. M. Dostoevsky, I. S. Aksakov, M. N. Katkov, V. S. Solovyev, L. P. Karsavin and others.

Klíčová slova

G. S. Skovoroda ■ J. de Maistre ■ V. S. Tomara ■ Sanktpetěrburgské večery ■ ruské filozofické myšlení ■ Pro-
zřetelnost ■ zločin a trest ■ svět duše ■ klid srdce

Key Words

G. S. Skovoroda ■ J. de Maistre ■ V. S. Tomara ■ Sankt-Petersburg Evenings ■ Russian philosophical thought
■ Providence ■ crime and punishment ■ the world of soul ■ the peace of heart

К юбилею Леонида Владимировича Ушкалова¹

*Perfecto circo rursum novus incipit annus.
Haec est prima dies, quam caput annus habet.
Hosse die nasci, puer ingeniose Basili,
Omne felici fata dedere tibi,
Ut cum primus es in lucem puer editus infans,*

---

¹ Впервые работа опубликована в переводе на украинский язык: Збірник Харківського історико-філологічного товариства. – Харків 2006 – Т. 12 – с. 71-84.

*Primus virtute ac primus honore sies.
Primus es ingenio, primus quoque dotibus illis,
Consona quas poscit corporis harmonia.
Primo prima tibi indulsit natura benigna,*

*Quae post te natis dura noversa fuit.
Sic prius ille opifex rerum confinxit Adamum,
Finxit post et Evam, sed minor Eva fuit.
Gratulator ergo tibi, quod tam bona multa dedere,
Multa dedere tibi numina dextra bona,
Sed tamen heus multum tibi credidit ille creator,
Illo in iudicio reddita multa volet.
Magna, puer; te cura manet toleranda laborque,
Ut sis Basilius nomine reque simil.*

(In natalem Basilli Tomarae, pueri 12 annorum)

Как! Значит, и вы нас вскоре покинете, дорогой сенатор? Взгляните на эти слёзы и вы поймёте, что в памяти моей вы останетесь навсегда. И те дни, когда письма известят меня, что вы существуете – а значит, что вы меня любите – станут для меня днями веселья. Если бы только и я мог подарить вам подобную радость!

(Набросок заключительного фрагмента «Санкт-Петербургских вечеров»)

Тема, которую я намерен сейчас рассмотреть, *Григорий Сковорода и Жозеф де Местр*, является в сквородиноведении новой (но не в зарубежном местроведении); по крайней мере, не удалось обнаружить ни постановки, ни исследования её в известных мне сквородиноведческих работах. Однако это один из самых интересных примеров того, как образ и идеи украинского мыслителя присутствовали в русской культуре и сознании не только в виде бережно хранимых и передаваемых из поколения в поколения воспоминаний и легенд о страннике-мудреце, рукописей и копий его сочинений и жизнеописаний, но и латентно, в составе сочинений других мыслителей.²

Что касается значимость фигуры и идей графа де Местра для европейской мысли вообще и русской в частности, целый ряд исследователей последнее время занимаются изучением этой темы.³ Напомню лишь несколько моментов. Так, именно де Местр повлиял, как известно, на отставку М. М. Спе-

² Об образе и идеях Г. С. Сковороды в России см.: *Марченко О. В.* Григорий Сковорода и русская философская мысль XIX-XX веков. Исследования и материалы. Часть I – Москва 2007.

³ Литература о Ж. де Местре весьма обширна. По-прежнему важны классические работы *А. Н. Шебунина*: *Европейская контрреволюция*. – Ленинград, 1925; *Степанов М. (Шебунин А. Н.)* Жозеф де Местр в России (Литературное наследство. Т. 29-30. – Москва, 1937. – с. 577–625. См. современное исследование, где приведена подробная библиография: *Самуйлов Г. Н.* Философский и социально-политический консерватизм Жозефа де Местра. Дис. [...] к. ф. н. – Москва 2004. См. также превосходную работу, оснащенную необходимой литературой: *Парсамов В. С.* Жозеф де Местр и Александр Стурдза. Из истории религиозных идей Александровской эпохи. – Саратов 2004.

ранского. Уже современники, далее, отмечали существенную близость построений Чаадаева идеям сардинского посланника.

«Был я у П[етра] Я[ковлевича Чаадаева], – писал Александр Иванович Тургенев брату Николаю. – [...] Он обнял меня нежно и в первое же свидание отдал мне часть своего сочинения, в роде Мейстера и Ламенне и очень хорошо написанное по-французски. [...] Не с кем ему отвести душу сердечным разговором о предметах, кои занимают ум, душу и время его, т.е. высшими думами о религии и о церкви, а система его точь-в-точь гр[афа] Мейстера, модифицированная чтением немецких писателей»⁴.

Тема неправильности мироустройства и *входного билета*, который Иван Карамазов возвращает Богу в великом романе Достоевского⁵, вполне отчетливо (хотя и в ином ключе) звучит именно у де Местра:

⁴ Письма от 2 и 10 июля 1831 г.: *Тургенев А. И.* Политическая проза/ Сост., подгот. текста, вступ. ст. и примеч. А. Л. Осповата. – М.: Сов. Россия 1989 – с. 156, 157). См. напр., письмо де Местра Кавалеру де Росси от 7/19 декабря 1810: «...Напомню вам, что два великих события средних веков – прискорбное уклонение несчастной греческой церкви в раскол и татарское нашествие – закрыли Россию для влияния великой европейской цивилизации, исходившей из Рима. Европейский характер, составившийся из смеси рыцарства и христианства, никогда не распространялся далее Двины. У русских много весьма добрых качеств: они не жестоки, гостеприимны, щедры, храбры, подражательны, деятельны и т.д. Но среди сих светлых черт есть и тени. Определенная неверность, которая в народе называется воровством и которую у высших сословий вы можете именовать как вам угодно, проникает в большей или меньшей степени повсюду и вносит во все отрасли управления дух расточительства и недобросовестности, каковой вы и представить себе не можете. Я отношусь с глубоким уважением к многочисленным из сего исключениям, но сейчас речь идет об общераспространенном. Здесь невозможно никому довериться. [...] Полагаю, русская нация есть единственная в свете, чье просвещение началось не в храмах. С египтян и до наших дней дети везде воспитывались священнослужителями. Здесь же покусились они создать человека, имея только ничтожные свои силы, что есть дело наитруднейшее из всех. Воспоследовала полная неудача, и ничто не может сравниться с несчастным положением русских. Цивилизация их, вместо того чтобы действовать наподобие нашей, то есть постепенно, возникла внезапно и к тому же в эпоху глубочайшего развращения ума человеческого. Бедствие сие усугубилось еще и тем, что Россия подпала под влияние той нации, которая была и самым главным органом, и самой прискорбной жертвой сего порока. Все язвы Регентства в одночасье прилипли к сей несчастной России, начавшей именно с того, чем другие кончали, – развращения. У меня нет слов, чтобы описать вам французское влияние в сей стране. Гений Франции оседлал гения России буквально так, как человек обуздывает лошадь. Противу сего превосходства нет иного лекарства, кроме религиозного чувства. К сожалению, оно совершенно здесь отсутствует, ибо там, где служители религии суть пустое место, пустым местом является и сама религия. Вы слышали, верно, разговоры о *греческой вере*, но таковой вовсе не существует. С внешней стороны религия русских состоит в крестных знамениях и поклонах, а что касается духа, то это лишь машинальная и бессмысленная ненависть противу римской Церкви. Религиозное безразличие проявляется здесь в самых причудливых видах. К примеру, это единственная страна во вселенной, где не интересуются верой у воспитателей юношества.» (*Местр, Жозеф де.* Петербургские письма 1803–1817: Пер. с франц./ Сост., пер. и предисл. Д. В. Соловьёва – Санкт-Петербург 1995 – с. 159, 161).

⁵ «Уж когда мать обнимется с мучителем, растерзавшим псами сына ее, и все трое воз-

«Я способен смириться без усилий и ропота; признаюсь даже, что если бы я был один на свете и поразившие меня удары судьбы причинили боль лишь мне одному, то на все, что происходит в мире, смотрел бы я лишь как на блестящее и величественное зрелище, предавшись восхищению всем своим существом, – но дорого же достался мне входной билет!...»⁶

В 1889 г. во 2-м выпуске «Национального вопроса в России», в статье со знаменательным названием «Славянофильство и его вырождение» В. С. Соловьев писал:

«Знаменитый ультрамонтанский писатель, автор книги «О папе» и друг иезуитов, граф Жозеф де Местр, провел, как известно, несколько лет в России в качестве посланника сардинского короля. Как видно из его сочинений, относящихся к этому времени («Петербургские вечера», письма к гр. Разумовскому⁷ и др.), Россия возбудила в нем лишь поверхностный интерес; он относился к ней с некоторою снисходительною симпатией, но без большого понимания ее особенностей. Зато сам де Местр оказал на русское общество глубокое влияние, вся сила которого сказалась только в наши дни. [...] ...Я разумею прямое, хотя и посмертное влияние *политических* идей де Местра на корифеев нашего национализма – Ив. Аксакова и в особенности Каткова, который целиком взял из де Местра все руководящие начала своей политической мудрости, а от него заимствовали эти принципы нынешние обскуранты, доведшие их до абсурда [...]. Многосложное воззрение де Местра, состоящее не из одних только бесчеловечных тенденций, его рассуждения, часто фальшивые, но всегда тонкие, а иногда и глубокомысленные, не могут быть доступны и привлекательны для наших обскурантов. Сочувственные им элементы этого учения дошли до них в упрощенном изложении новейших французских реакционеров [...]. Мы видели главные фазы умственного движения, начатого славянофилами. Поклонение народной добродетели, поклонение народной силе, поклонение народной дикости – вот три нисходящие ступени нашей псевдопатриотической мысли. Теперь нам показан и подлинный источник этой мысли. Все ее, столь для нас знакомые, составные элементы, начиная с невинной идеи государства как живого организма и кончая принципиальным отрицанием справедливости, все они целиком находятся в политической доктрине, которую впервые почти сто лет тому назад возвестил корифей французской реакционной школы».⁸

гласят со слезами: „прав ты, господи“, то уж конечно настанет венец познания и все объяснится. Но вот тут-то и запятая, этого-то я и не могу принять. [...] И если страдания детей пошли на пополнение той суммы страданий, которая необходима была для покупки истины, то я утверждаю заранее, что вся истина не стоит такой цены. Не хочу я наконец, чтобы мать обнималась с мучителем, растерзавшим ее сына псами! Не смеет она прощать ему! [...] Не хочу гармонии, из-за любви к человечеству не хочу. Я хочу оставаться лучше со страданиями не отомщенными. Лучше уж я останусь при неотмщенном страдании моем и неутоленном негодовании моем, хотя бы я был и не прав. Да и слишком дорого оценили гармонию, не по карману нашему вовсе столько платить за вход. А потому свой билет на вход спешу возвратить обратно. И если только я честный человек, то обязан возвратить его как можно заранее. Это и делаю. Не бога я не принимаю, Алеша, я только билет ему почтительнейше возвращаю.»

⁶ Местр Жозеф де. Санкт-Петербургские вечера/ пер. с франц. и примеч. А. А. Васильева, под ред. А. Г. Терехова. – Санкт-Петербург, 1998. – с. 112–113.

⁷ Имеется в виду А. К. Разумовский, чьим воспитателем в свое время был М. И. Ковалинский.

⁸ Соловьев В. С. Сочинения – В 2-х т. – Т. 1. Философская публицистика. – М. 1989. – с. 482, 490.

Соловьев написал достаточно подробную статью о Местре в Энциклопедии Брокгауза-Ефрона. Но не являются ли «Санкт-Петербургские вечера» Местра в известном смысле прообразом «Трех разговоров» Соловьева, а размышления о войне одного из участников «Вечеров», Сенатора, прообразом рассуждений на ту же тему у Соловьева? Проблематика Местра находит отклик и у внимательного читателя его сочинений, Л. П. Карсавина, автора превосходного очерка о савойском мыслителе,⁹ а «Noctes petropolitanae» 1922 г. несомненно отсылают к «Санкт-Петербургским вечерам».¹⁰ Даже памятником Минину и Пожарскому, установленному на Красной площади, Москва обязана Жозефу де Местру, выбравшему по поручению императора Александра I из нескольких проектов именно работу И. П. Мартоса.¹¹

На первый взгляд, тема *Г. Скворода и Ж. де Местр* может показаться надуманной, нарочитой и ни на чём кроме желания автора поинтересничать не основанной. В самом деле, что может быть общего между украинским старчиком XVIII в. и савойским аристократом, волею судеб в качестве посланника Сардинского короля занесённого в начале XIX в. в столь чуждую ему Россию? Ну разве что сама чуждая Россия, – скажет проникательный читатель. И сделает ошибку.

Как раз русских современников Местра это тема бы не удивила. К примеру, С. П. Жихарев в своем дневнике за 1807 г. пишет (прошу извинить обширность цитаты):

«В беседе с умным человеком многому научиться можно, но если этот умный человек смотрит на жизнь и свет с своей, особой точки зрения, то он может сбить с толку. [...] Вот хотя бы, например, и старший граф де Местр, сардинский посланник: я не хотел бы остаться с ним неделю один с глазу на глаз, потому что он тотчас бы из меня сделал прозелита. Ума палата, учености бездна, говорит, как Цицерон, так убедительно, что нельзя не увлекаться его доказательствами; а если поразмыслить, то, несмотря на всю христианскую оболочку, которую он прикрывает все свои рассуждения (он иначе не говорит, как рассуждая), многое, многое кажется мне не согласным ни с тем учением, ни с теми правилами, которые поселяли нас с детства. Давеча из церкви я зашел навестить старика Лабата, [...] и нашел у него де Местра, стоявшего перед камином и с жаром рассуждавшего. Из разнообразного, живого и увлекательного его разговора я успел схватить на лету несколько идей, поразивших меня своею новизною. Он утверждал, что “почти во всех случаях жизни надобно опасаться более друзей, чем врагов своих, потому что последние, по крайней мере, не введут вас в заблуждение своими советами, и что сознание нашего ничтожества должно верить одному только богу, но перед людьми скрывать его во избежание их презрения”. Это, может быть, и правда, однако ж что-то отзывается иезуитизмом. Но вот идеи, которые кажутся мне безукоризненно верными: рассуждая об одном государственном человеке, которого все вообще почитали за гениального [не

⁹ Карсавин Л.П. Жозеф де Местр/ Публ. А.Л. Осповата, примеч. В. А. Мильчиной и А. Л. Осповата// Вопросы философии – 1989. – № 3 – с. 93–118.

¹⁰ Автор вступительной статьи к публикации карсавинского очерка справедливо отмечал в 1989 г. у этих двух мыслителей ряд близких идей, в том числе и идеи «симфонической личности» (*Хоружий С. С.* Карсавин и де Местр // Вопросы философии – 1989 – № 3. – с. 79–92).

¹¹ См.: Степанов М. (*Шебунин А. Н.*) Жозеф де Местр в России. – с. 620 сл.

о Сперанском ли речь? – О. М.], граф де Местр сказал, что он, с своей стороны, не очень верит в его гениальность, потому что этот вельможа всегда окружал себя людьми вовсе посредственными, и если он делало это для того, чтоб лучше скрывать свои намерения и предположения, то и в этом случае действовал невпопад, потому что нашим тайнам изменяют большею частью не те люди, которым мы поверяем их сами, но почти всегда те, которые *о них догадываются*.

Но пора мне, по словам философа Сковороды –

Тщету отложить

Мудрости земныя

И в мире почити

От злобы дневныя –

сиречь: иди на боковую, чтоб завтра не опоздать на молитву.»¹²

Шутливость заключительного пассажа не может затушевывать факта значимого соприсутствия в сознании мемуариста фигур двух мыслителей, особенно если учесть, что имена как Местра, так и Сковороды не впервые появляются на страницах Записок Жихарева.¹³ Здесь противопоставлены

¹² Жихарев С. П. Записки современника. Воспоминания старого театрала. В 2-х т. Т. 2 – Ленинград 1989 – с. 160–161. Приведенное четверостишие Сковороде, по-видимому, не принадлежит, однако оно присутствовало в сознании людей того времени как сквородиновское.

¹³ См. запись от 10 января 1807 г.: «Граф Местр точно должен быть великий мыслитель; о чем бы ни говорил он, все очень занимательно, и всякое замечание его так и врезывается в память, потому что заключает в себе идею, и сверх того, идею прекрасно выраженную [...]» (Т. 2, с. 86). Запись от 4 февраля 1805: «Ездили с Хомяковым к М. И. Ковалинскому, бывшему при покойном государе нашим рязанским губернатором. Я видел его в малолетстве и теперь рад был познакомиться с ним покороче. Очень умный, приятный и приветливый человек, хотя в бытность его губернатором и не то о нем говорили; но другие времена – другие нравы. Он, кажется, немного мистик. Обещал со временем сосудить меня сочинениями Сковороды, который был его наставником. Манускрипт этих сочинений беспрестанно у него на столе перед глазами. Я просил дозволения пробежать несколько страниц в то время, как он разговаривал с другими, и напал на какую-то статью по названию «Потоп Змин»» (Жихарев С. П. Указ. соч. – Т. 1. – с. 45). В последней записи обращают на себя внимание сразу несколько моментов. Во-первых, Жихарев едет к Ковалинскому вместе со Степаном Александровичем Хомяковым, отцом будущего философа. Во-вторых, украинский мудрец назван просто по фамилии, Сковорода, без имени-отчества и без комментариев, из чего следует, что читатель знает, о ком идет речь. Дневниковые свои записи Жихарев посылал двоюродному брату кн. С. С. Борятинскому (который их и сохранил), и как раз в архиве Борятинских находится объемистая тетрадь с названием «Богословія. Сочиненія Григорія Саввича Сковороды», где содержатся рукописные копии произведений философа: «Начальная дверь...» (с некоторыми неаутентичными вставками), «Кольцо» (фрагмент), «Потоп змін» (два списка под одним переплетом!), «Икона Алквіадская», несколько стихотворений их «Сада...», прозаический перевод (конца XVIII – начала XIX в.) одного из самых интересных и глубоких латинских стихотворений мыслителя «De Sacra Coena, seu aeternitate» (О Святой вечере, или о вечности), а также несколько стихотворений, Сковороде не принадлежащих, но напоминающих его тематику и манеру: «Один мир с Богом не умирает», «Воздыханіе о входѣ на брак женихов.» (Государственный исторический музей, отд. письмен. источн., ф. № 342, оп. 1, ед. хр. 91)

именно два философа. Выученик иезуитов Местр представляет здесь ученое, но, несмотря на христианскую оболочку, вряд ли по сути ортодоксально-христианское мудрствование; Жихарев имел резоны так считать, в детстве он получил традиционно-церковное воспитание, хорошо знал текст св. Писания и церковную службу.¹⁴ Сковорода же для Жихарева явно выглядит иным типом философа.

Впрочем, если обратиться к текстам двух мыслителей, без труда можно обнаружить и множество точек соприкосновения. Сочинения Местра насыщены отсылками и цитатами из Платона, Аристотеля, Сенеки, Цицерона, Горация и мн. др. античных авторов, которых так любил Сковорода. А кроме того, для масона Местра чрезвычайно важна и религиозно-мистическая составляющая европейской культуры, поэтому «мы без труда улавливаем родство его мыслей с теософическими и мистическимим устремлениями Сен-Мартена, учителя Сен-Мартена Мартинеца Пасквалица, с одной стороны, с тем течением европейской мысли, вехи которого отмечаются терминами и именами: новоплатонизм – Августин – Эриугена – Ансельм Кентерберийский – мистика XII века – Экхарт – Николай Кузанский – Мальбранш, с другой».¹⁵ Немало имен в этом списке близко Сковороде, и в подобном проблемном поле украинскому мыслителю не составило бы труда поддержать дружеский разговор.¹⁶

И все же связь между размышлениями Сковороды и произведениями Местра имеет более прочную, я бы сказал, вполне эмпирическую, основу.

Санкт-Петербург, июнь 1809 г., около девяти часов вечера одного из самых жарких дней. Заключённая в гранит набережных могучая Нева несёт меж плоских зелёных островов свои обильные воды. Вверх по течению неторопливо поднимается лодка, в которой, помимо гребцов, трое: граф (alter ego Местра), тайный советник Т*** – член Санкт-Петербургского Сената, и кавалер Б*** – молодой француз, обязанный пребыванием в российской столице бурям революции и множеству удивительных происшествий. Лучи окружённого красноватой дымкой солнца, медленно уходящего, словно не желающего расставаться с землёй, огромным пожаром отражаются в окнах многочисленных дворцов. Замирает в отдалении беспорядочный шум города, сквозь блестящие облака струится мягкое сияние золотистых сумерек,

¹⁴ А. С. Хомяков называл де Местра «красноречивым протософистом». [...] «...Этот писатель, наделавший столько шума, по всему складу своего ума и несмотря на то, что он до некоторой степени хочет быть религиозным, принадлежит всецело к литературной школе энциклопедистов. Римляне сами называют его парадоксальным, да и тем оказывают ему слишком много чести. Отличительные его свойства составляют легкомыслие, прикрытое обманчивым глубокомыслием, постоянная игра софизма и постоянное отсутствие искренности, словом его ум – антихристианский в высшей степени, чему служит доказательством, между прочим, его теория искупления.» (*Хомяков А. С. Сочинения богословские* – Санкт-Петербург 1995 – с. 95).

¹⁵ *Карсавин Л. П.* Указ. соч. – с. 112–113.

¹⁶ См.: *Ушкалов Л. В., Марченко О. В.* Нариси з філософії Григорія Сковороди. – Харків 1993.

смещение света и мрака созидает прозрачное покрывало, простирающееся над водой и сушей. Время белых ночей – прекрасное, чарующее время в Санкт-Петербурге. Способны ли злые и порочные люди наслаждаться подобным великолепием? – внезапно спрашивает Кавалер, озадачивая многообещающей темой своих старших спутников. Не найти предмета более увлекательного: счастье злых, несчастье праведных – подхватывает Сенатор, – здесь заключён страшный соблазн для разума человеческого!

Так начинаются знаменитые «Санкт-Петербургские вечера», одиннадцать бесед, проведённых на небольшой террасе в доме Графа. Это именно *симпозион*, по определению Графа и Сенатора, разве что вместо вина – чай с бисквитами.

В более общей форме тема симпозиона может быть обозначена так: пути Провидения в управлении моральным миром. Проблема первородного греха, учение о врождённых идеях, критика философии Локка, размышления о войне – всё это грани одной глобальной темы. О каком бы предмете, – замечает Граф, – ни шёл разговор, речь всегда идёт о Провидении. В беседе восьмой выясняется, что Кавалер записывает эти беседы с намерением их опубликовать.

Нас интересуют собеседники Графа, Кавалер и Сенатор, а точнее – их прототипы.

Что касается Кавалера Б***, то прототипом его был либо граф, впоследствии герцог Пьер Жан-Луи-Казимир де Блака́ (de Blakas d'Aulps, 1771–1839), известный французский политический деятель, либо, что гораздо вероятнее, Франсуа Габриэль граф де Бре (de Bray, 1765–1832). Знакомство же с прототипом второго собеседника, Сенатора, обещает нам гораздо больше. Тайный советник Т*** – не кто иной как Василий Степанович Тамара (Тамара, 1746–1814), «сердечный друг» Местра, по собственному выражению последнего.¹⁷ Тот самый Василий Тамара, учителем которого в Кавраях был Сковорода! Сюжет этот слишком известен, чтобы пересказывать его подробно. После изгнания Сковороды из Переяславля, – вспоминал М. И. Ковалинский, – он был приглашен знатным дворянином Степаном Тамарой в деревню Каврай,

«где и поручен был ему сын в смотрение и науку. [...] Сковорода начал больше возделывать сердце молодого воспитанника своего и, рассматривая природныя склонности его, помогать только природе в рашении направлением легким, нежным, нечувствительным, а не безвременно обременять разум его науками – и воспитанник привязался к нему внутреннею любовию. Целой год продолжалось обращение его с сыном...»

Прерванные известной ссорой со спесивыми хозяевами, занятия однако возобновляются по возвращении Сковороды из Москвы, куда он ездил вместе с Михаилом Каллиграфом.

«Дух его отдалял его от всяких привязанностей и делая его пришельцом, пресельником, странником, выделывал в нём сердце гражданина всемирнаго, который, не имея родства,

¹⁷ *Joseph de Maistre. Oeuvres complètes. Lyon, 1884, vol.11, p. 400.*

стяжаний, угла, где главу приклонити, сторицею больше вкушает удовольствий природы, удовольствий простых, невинных, беззаботных, истинных, почерпаемых умом чистым и духом несмушенным в сокровищах вечнаго», – описывает Ковалинский тогдашнее настроение Сквороды. – [...] Не успел приехать он в Переяславль, как разумный Тамара поручил знакомым своим уговаривать его, чтобы паки к сыну определился он учителем. [...] Старик Тамара не был уже тот гербовый вельможа, но ласковый дворянин, который хотел ценить людей по внутреннему достоинству их. Он обласкал его дружески, просил быть сыну его другом и руководствовать его в науках. Любовь и откровенное обхождение сильнее всего действовали всегда над Сквородою. Он остался у Тамары с сердечным желанием быть полезным, без договора, без условий». ¹⁸

Именно в Кавраях Скворода начал, собственно, философствовать, «предался любознанию, то есть исканию истинны». Именно там Скворода переживает мистическое озарение – видит знаменитый «Сон», ставший своеобразным метафизическим пробуждением; после которого он уже *по-другому* все видит и понимает. Не случайно именно в Кавраях просыпается в нем и поэтическое вдохновение:

Оставь, о дух мой, вскоре все земляныи места!
Взойди, дух мой, на горы, где правда живет свята,
Где покой, тишина от вечных царствует лет,
Где блещит та страна, в коей неприступный свет.

Оставь земны печали и суетность мирских дел!
Будь чист, хоть на час малый, дабы ты выспись возлетел,
Где Иаковль господь, где невечерня заря,
Где весь ангелский род лице его выну зрят. ¹⁹

И все это время (до поступления мыслителя в Харьковский коллегиум в 1759 г., а ученика – на службу) Скворода занимается с Василием Томарой! Мог ли такой духовный подъем учителя не оказать существенного воздействия на воспитанника, которому, заметим, в 1759 г. исполняется 13 лет – самый восприимчивый, впечатлительный возраст.

Ко дню рождения Василия Томары Скворода пишет латинское стихотворение *In Natalem Basilii Tomarae, pueri 12 annorum*, которое, можно не сомневаться, сопровождало его воспитанника всю жизнь.

В дальнейшем Василий Степанович Томара сделал блестящую карьеру, поступил на службу с 1759 г. (отправлен переводчиком на Кавказ), участвовал в средиземноморской экспедиции во время войны с Турцией, выполнял дипломатические поручения на Кавказе и в Иране. В 1799–1809 он чрезвы-

¹⁸ [Ковалинский М. И.] Жизнь Григория Сквороды // *Скворода Г. Повне зібрання творів* – У 2-х тт. – Київ, 1973 – Т. 2 – с. 442, 443. Далее все ссылки на это издание с указанием тома и страницы.

¹⁹ Песнь вторая «Сада...» – Т. 1 – с. 61.

чайный посол и полномочный министр в Константинополе; в 1809 вышел в отставку в чине действительного тайного советника.²⁰

Вспоминал ли Василий Томара своего воспитателя? Несомненно! Вот что пишет Сковороде Ковалинский из Санкт-Петербурга 18 февраля 1782 г.:

«Как воспоминаніе, так и письма Ваши во мне производят сердечное утешеніе. В толпе светских стеченій наипрїятнейшее чувствіе есть истины и непорочности. А в сих именах мне всегда представляется Вы! [...] Тамара Василій Степанович здесь со мною, в одной команде, при князе Потемкине, подполковником; и я тоже. Он кланяется Вам».²¹

В письме Ковалинского Сковороде от 14 сентября 1784 г. снова читаем:

«Благодарю Вас за любовь Вашу ко мне; еще больше благодарю за дружескія беседы, которыя вспоминают во мне сладчайшія, блаженныя времена безпечалїа, молодости и простоты, от которых я столько удалился теперь и которыя всеми чувствїями души моея люблю и хочу, с помощїю божїею, поздно или рано вознести себя к истинному своему оному счастью. [...] В. С. Тамара Вам кланяется. И севодня, читая «Энеиду» Виргилїа, переведенную по-русски, поминали Вас любезно. Он едет скоро в Грузїю и Черкесскїя горы и просил меня написать к Вам, не согласитесь ли вы с ним ехать туда же [...]».²²

А вот что сам Томара писал Сковороде, в единственном сохранившемся письме от 6 марта 1788 г.:

«Любезный мой учитель Григорій Савич! Письмо ваше [...] получил я, с равною любви и сердца привязанностію моею к Вам. Вспомнишь ты, почтенный друг мой, твоего Василїа, по наружности может быть и не несчастного, но внутренно более имеющего нужду в совете, нежели когда был с тобою. О, если бы внушил тебе господь пожить со мною! Если бы ты меня один раз выслушал, узнал, то б не порадовался своим воспитанником. Напрасно ли я тебя желал? Если нет, то одолжи и отпиши ко мне, каким образом мог бы я тебя увидеть, страстно любимый мой Сковорода? Прощай и не пожалей еще один раз в жизни уделить частицу твоего времени и покоя старому ученику твоему – Василїю Тамаре».²³

Василий Томара возил с собой на Кавказ рукопись сочинения Сковороды, по-видимому, «Начальную дверь ко христїанскому добронравїю», автограф, сделанный в 1780 г. (не сохранился).²⁴ Впервые «Начальную дверь» опубликовал, как известно, А.Ф. Лабзин, с краткой вступительной статьей о Сковороде, в 1806 г. (Местр уже был в России! он прибыл в Санкт-Петербург в мае 1803 г.) Не исключено, что именно Томара предоставил для публикации свой экземпляр.

²⁰ R. *Triomphe*. Joseph de Maistre: Etude sur la vie et sur la doctrine d'un materialiste mystique. Genève, 1968. – p. 292–296.

²¹ Т. 2 – с. 477, 478.

²² Т. 2 – с. 478–479.

²³ Т. 2 – с. 481–482. У Томары были основания полагать, что Сковорода *очень* не порадовался бы своим воспитанником. См.: R. *Triomphe*, ibid.

²⁴ См. Т. 1. – с. 496.

«...У Местра завязались в Петербурге дружески-интимные отношения с сенатором В. С. Томарой, бывшим ранее послом в Константинополе. Беседы между ними запечатлены в «Soirees de St.-Petersbourg», где Томара выведен под именем “*сенатора*”».25

Но насколько, – вот вопрос! – в образе Сенатора отразились черты и взгляды ученика и почитателя Сковороды? *Александр Скарлатович Стурдза* (1791–1854), свидетель очень заинтересованный и внимательный, неоднократно имея возможность близко наблюдать де Местра, сообщает следующее:

«В салонах мадам Свечиной и мадам Головиной <...> он был хозяином территории и на правах завоевателя ни в чем не стеснялся; в других местах, как например, у адмирала Чичагова, которого любил несмотря на скептицизм последнего, наш оратор умерял свой язык и усыпал свои речи научными и политическими перлами, он изящно метал копыя против неверия. И тогда это был турнир, состязание на копьях без рубящего оружия, где дамы выдавали приз. В уединенном жилище старого сенатора Тамары, жена которого была итальянка и ревностная католичка, спорили при изрядном взаимопонимании; эти послеобеденные досуги легли в основу “Санкт-Петербургских вечеров”».26

Обратившись к тексту, можно без труда заметить, кроме привычной для читателей сочинений Сковороды диалогической формы, знакомую проблематику, которая вводится в общую беседу именно Сенатором. Мы уже отметили формулировку темы, данную Сенатором в самом начале разговора: счастье злых, несчастье праведных, – здесь заключён страшный соблазн для разума человеческого! Это как раз та самая тема, которая с потрясающей силой зазвучит позднее у внимательного читателя де Местра Достоевского! После вышесказанного нетрудно будет заметить несомненную близость темы и схожесть (но не тождественность) ее решения в «Санкт-Петербургских вечерах» и рассуждениях Сковороды в последних беседах с Ковалинским (а то, что текст «Жизни Григория Сковороды», где речь идет и о нем самом, Томара помнил назубок, сомнений не вызывает):

«Знаю, что многих умы ищут равновесия в награждениях и наказаниях, полагая на свои весы <,> меру и число дела человеческого и суд божий. Друг мой! Величайшее наказание за зло есть сделать зло, как и величайшее воздаяние за добро есть делать добро. Любовь

25 Степанов М. (Шебунин А. Н.). Указ. соч. – с. 591.

26 *Stourdza A. de. Œuvres posthumes religieuses, historiques, philosophiques et littéraires.* – Paris, 1859. – P. 296 (приведено в пер. В. С. Парсамова. Указ. соч. – с. 40–41). «Беседы *Вечеров* по всем пунктам подтверждают то, что известно нам о византийском характере Сенатора из других источников. Понадобилась вся масонская выучка, все его презрение к Просвещению, весь его глубинный мистицизм, вся его восприимчивость к иррациональному в делах человеческих, чтобы он мог находить удовольствие в обществе этого гибридного [hybrid] духа, полувосточного, полужевропейского, полуневежественного, полученного, «во сто крат худшего, чем самое невежество», и однако ценимого в своем кругу – типичного представителя неисправимых русских, которых Местр для вида порицал, но к которым питал он глубокую симпатию». (R. *Triomhpe.* – p. 296; пер. А. А. Васильева).

добродетели подобна свету огня. Зажги огонь – тотчас свет осияет глаза твои; возлюби, почувствуй охоту к добродетели – тотчас сердце твое осветится веселием. Исполни, произведи в дело добродетели любовь, то корень сердца твоего напоишь туком блаженства. И каких благословенных плодов можешь ожидать от сего! Любовь к порокам подобна потушенному огню: погаси огонь, тотчас тьма покрыла очи твои; не знаешь, куда идешь, нет тебе различия вещей; мир не существует для тебя лучшею и величайшею частию: се наказание уже постигло тебя с самым действием. Да не соблазняют тебя казистыя удовольствия развратных! Заглянь внутрь их²⁷: тут огонь мучений не угасает и червь угрызений не усыпает. Если бог везде, то может ли беззаконник быть без него? Нет! Ах, нет! Бог есть в нем, судья его, мститель, терние его, огонь и жупел, дух бурен, часть чаши их. Дух и вечность есть то же. Посему разумей живот вечный и муку вечную».²⁸

Здесь остается совсем немного и до знаменитого рассуждения «Из бесед и поучений старца Зосимы»: «Отцы и учителя, мысля: „что есть ад?“ Рассуждаю так: „Страдание о том, что нельзя уже более любить“».

Тема двух натур, двойственности сущего, вводится опять-таки Сенатором, мысль которого подхватывает Граф:

«Сенатор. [...] Для всякого человека, у которого есть здоровые глаза и желание ясно видеть, нет ничего более очевидного, чем связь двух миров. Строго говоря, существует лишь один мир, ибо материя есть ничто. Попробуйте, прошу вас, вообразить материю, существующую самоё по себе, без разума, – никогда, уверяю вас, не сумеете вы этого сделать.

Граф. Я также полагаю, что взаимную связь мира видимого и мира невидимого отрицать невозможно. Отсюда – двойной способ исследования, ибо каждый из этих миров можно рассматривать либо сам по себе, либо в отношении к другому. Именно в соответствии с этим естественным делением я и приступил вчера к занимающему нас вопросу. Поначалу я рассматривал лишь земной мир, а затем попросил у вас позволения подняться выше [...].»²⁹

Одна из трудностей, которая чрезвычайно занимала Сковороду, – это, как известно, проблема согласования частного интереса и общественной пользы, она получала у него более общее выражение как проблема соотношения индивидуальной воли и божественного Промысла, в учении о «сродности», в той же, к примеру, «Начальной двери ко христианскому добронравію». В тесной связи с этой проблемой находится у Сковороды и решение центрального для его философского учения вопроса о счастье и благе. И эта проблематика также вводится в «Санкт-Петербургских вечерах» устами Сенатора, в его рассуждении о *должностях*:

²⁷ Угрызения совести суть духи черные мучения и уязвляющія змеи, молнии, пронцающія ясныя истинны, суть ад. Сія истина вверена на сохраненіе последнему часу чело- века (Юнг. Ночь, IV). – *Примечание М. И. Ковалинского.*

²⁸ Т. 2 – с. 470–471.

²⁹ *Местр. Указ. соч.* – с. 55.

«Люди беспрестанно восклицают: *Все должности, все звания, все отличия достаются одним лишь недостойным.* Во-первых, это само по себе более чем ложно. А с другой стороны, по какому праву именуем мы все эти вещи *благами?*»³⁰

Домогаться должностей не дозволено! Более того, значительная доля общественных бедствий связана с честолюбием претендентов, добывающихся возвышения незаслуженного, и потому вводящих государя в заблуждение.

«И если бы все спокойно ожидали результатов этого выбора вместо того, чтобы всеми возможными средствами пытаться на него воздействовать, то, как я склонен полагать, изменился бы лик мира. По какому праву дерзают люди говорить: „Я более всех прочих достоин этого места!“ – а ведь именно это и подразумевают, когда его домогаются? Какую же громадную ответственность возлагают на себя подобные особы! – ибо существует скрытый порядок вещей, они же осмеливаются его поколебать. [...] На мой взгляд, существование и деятельность правительств невозможно объяснить одними лишь человеческими причинами – как и движение тел нельзя истолковать с помощью одной только механики. *Mens agitat molem.* [Мысль приводит в движение массу. Скрытая цитата из «Энеиды» Вергилия (IX 184-185). – О. М.]. В каждом государстве действует *направляющий дух*, [...] который движет его и одушевляет подобно тому, как душа сообщает жизнь телу – и когда этот дух удаляется, приходит смерть.»³¹

Граф охотно поддерживает Сенатора:

«Вы назвали по-новому (впрочем, на мой взгляд, довольно удачно) весьма обыкновенную вещь – необходимое вмешательство сверхъестественной силы в земные дела. [...] Без ее непосредственного воздействия нельзя объяснить [...] ни возникновения, ни устойчивости различных государственных устройств. Она очевидна и в единстве национального духа, порождающем всякую систему правления, и в действиях множества индивидуальных волей, которые, не ведая, что творят, способствуют достижению общей цели, – отсюда ясно, что они просто *используются* в качестве средств. Но более всего очевидна эта сила в удивительной деятельности, употребляющей множество различных обстоятельств, которые мы называем *случайными*, равно как и самые наши безумства и злодеяния, для того, чтобы поддержать порядок, а часто даже и для того, чтобы его установить.»³²

Это последнее рассуждение подается в особом ключе, связываясь со специфически местровой темой иррациональности действия Промысла, это не сквородиновская тема. И потому, похоже, не случайно последующее замечание Сенатора: «Не знаю, вполне ли вы уловили мою мысль – но сейчас это неважно».³³ Важно же последовательное введение Сенатором темы *счастья и блага*:

«Коль скоро мы допускаем существование сверхъестественной движущей силы – как бы мы ни понимали конкретно, – то ее действию можно довериться вполне. Однако следует повторить: мы бы много реже впадали в заблуждение на этот счет, если бы имели более точное представления о том, что мы именуем *счастьем* и *благом*. Мы толкуем об успехе

30 Там же – с. 159.

31 Там же – с. 160–161.

32 Там же – с. 161.

33 Там же – с. 162.

порока, – и не знаем, что такое *успех*, ибо то, что нам кажется счастьем, часто является страшной карой.»

Напомню, что Сковорода в одном из своих известнейших сочинений, «Разговоре пяти путников об истинном щастіи в жизни (Разговор дружескій о душевном мире)» уже в первых строчках рассматривает эту тему:

«Афанасій. Люди в жизни своей трудятся, мятутся, сокровиществуют, а для чего, то многие и сами не знают. Естли разсудить, то всем человеческим затеям, сколько их там тысяч разных ни бывает, выдет один конец – *радость сердца*. [...] Словом, всеми способами, какіе только вздумать можем, стараемся веселить дух наш. О, сколь великим весельем довольствуются знатные и достаток имеющіе в свете персоны! В их-то домах радостью и удовольствіем растворенной дух живет. О, сколь дорога ты, радость сердечная! [...]

Григорій. Перестаньте врать, хорошіе друзья, высокіе чины, веселое место, различные игры и забавы и все ваши заѣбы не сильны обрадовать духа и тем выгнать обовладавшую вами скуку.»

Граф поддерживает движение мысли в этом направлении, и вводит еще одно «сковородиновское» рассуждение:

«...Праведный человек ни в чем не почувствует недостатка, ибо с ним пребудет покой, душевный покой – неоценимое сокровище, здоровье духа, очарование; покой, который способен заменить все – ему же нет замены! Так по какому же непостижимому ослеплению люди этого не замечают? На одной стороне – сердечный мир и слава, по крайней мере, добрая репутация, неразлучный спутник добродетельной жизни; на другой – угрызения совести, а нередко – бесчестье».³⁴

Душевный покой, сердечный мир – это центральные темы Сковороды, как мы уже видели:

«Григорій. Благодареніе отцу нашему небесному за то, что открыл очи наши. Теперь разумеем, в чем состоит наше истинное щастіе. Оно живет во внутреннем сердца нашего мире, а мир в согласіи с богом. Чем кто согласнее – и блаженнее.»³⁵

О душевном мире размышляет Сковорода и в двух последующих диалогах, «Кольцо» и «Алфавит», каждый из которых имеет подзаголовок «дружескій разговор о душевном мирѣ», эта тема рассматривается и в других его произведениях, письмах, стихотворениях.

Сказанное ни в коем случае не означает, что учение Сковороды и философско-политические доктрины Местра очень друг другу близки. Мы отметили ряд несомненных сближений, связанных с образом Сенатора, сковородиновского ученика, в речах которого присутствуют элементы учения украинского мыслителя. Однако не менее существенны и расхождения. У Сковороды, скажем, христианство не понимается как активно действующая в истории сила, у него это – скорее путь к индивидуальной внутренней

³⁴ Там же – с. 163.

³⁵ Т. 1 – с. 324, 343.

свободе. Христианство как историческая сила, преобразующая саму ткань социальных отношений – идея Шатобриана, Местра, Чаадаева, Соловьева, Федорова. Последнее вообще характерно для русской религиозной мысли (исключение, по-видимому, лишь Данилевский, Леонтьев и раннее евразийство, в известной мере, впрочем, и Бердяев).

Однако от *латентного* присутствия образа и учения Сквороды в русском сознании XIX века должно перейти к рассмотрению его *явного* присутствия. Имея в виду заключительные страницы «Санкт-Петербургских вечеров», речи Сенатора в Беседе 11-й, Л. П. Карсавин (в 1918/1922 гг.) писал:

«Сенатор считает нужным погрузиться в более глубокое, возвышающее над буквою изучение Писания и за его образным, символическим языком искать указаний на “величайшее событие в установленном Божеством миропорядке, событие, к которому мы идем с ускоренной быстротой”. [...] Скоро, по мнению сенатора, должен появиться гений, который даст желанный синтез науки и религии, разумеется, подчиняя первую второй. Иначе говоря, наступает время третьего откровения. [...] Все говорит о том, что “мы быстро идем к какому-то великому единству” и что „новое излияние Святого Духа может быть ожидаемо на вполне разумных основаниях“.»

Так говорит Сенатор, «которому – продолжает Карсавин и делает чрезвычайной важности утверждение – не хватает только русской национальной идеи, чтобы развить теорию, подобную теориям Тютчева и Достоевского».³⁶ Ученик Сквороды и собеседник Местра, Сенатор в ретроспективной трактовке Карсавина *как бы* передает эстафету следующему русскому деятелю, который саму *русскую идею* накрепко свяжет с именем и делом Григория Сквороды. Речь должна идти об Александре Тадеушевиче Хиждеу (1811 – 1872), в жизни и творчестве которого Скворода занимает совершенно особое место.³⁷ Однако это тема для другого разговора, нынешняя же тема закончена.

³⁶ Карсавин Л. П. Жозеф де Местр / Публ. А. Л. Осповата, примеч. В. А. Мильчиной и А. Л. Осповата // Вопросы философии. – 1989. – № 3. – с. 103. Имеет смысл привести примечания А. Л. Осповата и В. А. Мильчиной к этому карсавинскому утверждению. «Тютчев, испытавший значительное воздействие де Местра, в ряде своих работ (в том числе и незаконченных), предрекая неизбежное торжество церкви над “миром зла”, связывал его с грядущей православной монархией, призванной объединить западную и восточную конфессию под эгидой русского императора (см., например, в его статье 1849 г. «Папство и Римский вопрос». – Тютчев Ф. И. Полн. собр. соч. Санкт-Петербург, 1913, с. 323–324). Достоевский же в конце жизни проповедовал, что “великая наша Россия, во главе объединенных славян, скажет всему миру, всему европейскому человечеству и цивилизации его свое новое, здоровое и еще неслыханное миром слово” («Дневник писателя», 1877, июль – август. Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. в 30-и томах, т. XXVI. Л., 1983, с. 195)» (Указ. публ. – с. 118).

³⁷ См.: См.: Вакуленко С., Ушкалов Л. Александру Хиждеу та його розвідки про Григорія Сквороду // Збірник Харківського історико-філологічного товариства / Харківський державний педагогічний університет; Харківське історико-філологічне товариство. – Харків, 2002 – Т. 9 (Нова серія) – с. 233–254.

